

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

СЕРГЕЙ ПОЗНЫШЕВ

МОТИВ УБИЙЦЫ

**О ПРЕСТУПНИКАХ
И ЖЕРТВАХ**

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Сергей Познышев

**Мотив убийцы. О
преступниках и жертвах**

«Алисторус»

2018

УДК 343.95
ББК 67.51

Познышев С. В.

Мотив убийцы. О преступниках и жертвах / С. В. Познышев — «Алисторус», 2018 — (Человек преступный. Классика криминальной психологии)

ISBN 978-5-907120-00-6

С детства человеку внушают мысль: убивать нельзя ни при каких обстоятельствах. Об этом говорит Библия, чьи заповеди повторяются родителями, воспитателями, средствами СМИ, педагогами. Но все же некоторые, вырастая, решают, что им дано право на убийство. Какие же мотивы преследует убийца? Ответ на этот вопрос читатель найдет в книге выдающегося отечественного психолога и юриста Сергея Викторовича Познышева.

УДК 343.95
ББК 67.51

ISBN 978-5-907120-00-6

© Познышев С. В., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Введение	5
Глава первая	10
I	10
II	17
Глава вторая	22
I	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Познышев

Мотив убийцы. О преступниках и жертвах

Введение

Криминально-психологическое изучение преступника, его задачи, необходимость и значение

Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь. Те элементы, из которых слагается «личный» корень преступления, можно назвать эндогенными факторами, а те внешние события, которые толкнули субъекта на преступление, – экзогенными факторами этого преступления. В происхождении каждого преступления участвуют и те и другие факторы, только в одних случаях преобладающая роль принадлежит факторам эндогенным, а в других, наоборот, – экзогенным. Но ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности. Нарисуйте какую угодно цепь внешних событий, все равно для того, чтобы под давлением их произошло преступление, необходимо прибавить к ним известный склад личности. Личность иного склада, в тех же условиях, или совершит иное преступление, чем данное, или вовсе не совершит преступления, а найдет иной выход из своего положения – может быть, кончит самоубийством, пойдет просить милостыню, помирится с родственниками, с которыми была в ссоре, и попросит у них прощения, переменит профессию, вступит в выгодный брак и т. д. Если же нарисовать картину таких условий, при которых для человека исчезает возможность выбора и он фатально влечется к известной форме реакции на полученные им впечатления, то к таким случаям не может быть прилагаемо понятие преступления. Это – несчастные случаи, которые не могут влечь за собой никакой уголовной ответственности. Преступление предполагает вину – умысел или неосторожность, – а вина показывает, что в личности совершившего преступление есть нечто, что послужило корнем этого преступления. Проявившаяся в том или ином преступлении вина есть преходящее конкретное настроение, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различных событий, происходивших в окружающей среде, с одной стороны, и его психической конституции – с другой. Заключается ли преступление в том, что человек совершил нечто запрещенное уголовным законом, или не выполнил того, что уголовный закон предписывает, т. е. заключается ли оно в наказуемом содеянии или в бездействии, оно всегда есть волевой акт и, как таковой, представляет собою известную моторную реакцию на полученные индивидом впечатления. В основе этой реакции лежит выбор из представившихся возможностей, а в этом выборе проявляется вся духовная личность преступника с присущим ей запасом жизненного опыта, с ее способностью или неспособностью предвидеть более или менее далекое будущее, с накопившимися у нее волевыми навыками и тенденциями к определенным видам поведения. Когда человек совершает преступление, он предварительно решает вести себя определенным образом. В его сознании появляется мысль об известном поведении и, так сказать, получает санкцию; при этом, быть может, он даже ошибочно рисует себе результат этого поведения. В тех случаях, когда он действует умышленно, он сознает, что его деятельность составит или будет иметь своим последствием преступление; его решение поступить определенным образом складывается тогда при наличности этого сознания. Когда он совершает преступление по неосторожности, он решает поступить известным образом, или не предвидя преступных последствий своего поведения, при возможности, однако, их предвидеть, или предвидя их,

но легкомысленно рассчитывая, что они будут предотвращены настоящим или будущим вмешательством определенных факторов. Для того чтобы вполне правильно оценить виновника того или иного преступления, с точки зрения большей или меньшей опасности его для правопорядка, необходимо учесть, с одной стороны, те элементы его личности, которые влияли на сделанный им выбор положительным образом, т. е., так сказать, склоняли к нему, а с другой стороны, – те, которые служили источником мотивов, удерживавших или отталкивавших от преступления и подсказывавших иной выход из создавшегося положения. Иными словами, мы должны учесть все, что, так сказать, криминогенно и криминорепульсивно в свойствах данной личности. Соотношением элементов этих двух категорий и определяется степень опасности, представляемой данной личностью для правопорядка. Таким образом, глубокое понимание преступления предполагает не только исследование его внешней стороны и установление вины преступника, но и выяснение того отношения, которое существует между виной, как отдельным настроением личности, и конституцией этой личности. Этим отношением и определяется, в каком смысле и в какой степени данный субъект опасен для правопорядка, как велика вероятность повторного преступления с его стороны.

Из сказанного ясно, что одного учения о разных формах вины и обстоятельствах, влияющих на них в ту или другую сторону, недостаточно. Необходимо еще психологическое учение о преступной личности в ее целом, которое раскрывало бы нам те типичные складки этой личности, на почве которых вырастают проявляющиеся в различных преступлениях разнообразные оттенки умысла и неосторожности.

Крайне ошибочно было бы думать, что преступный мир можно и нужно изучать лишь с точки зрения психопатологической или, хотя бы шире, медицинской, т. е. лишь со стороны обнаруживающихся у его представителей отклонений от того, что считается физическим и душевным здоровьем человека. Никто не станет, разумеется, оспаривать важности такого изучения, но, если не терять из виду современного взгляда на уголовное наказание, необходимости глубокого ознакомления с личностью подсудимого в уголовном процессе и чрезвычайно сложных и быстро растущих задач педагогического характера, стоящих перед пенитенциарными учреждениями, то нельзя ни минуты сомневаться, что такое изучение не является ни единственно возможным и нужным, ни даже главным и самым важным для успешной борьбы с преступностью. Конечно, судье или следователю важно знать, болен или здоров стоящий перед ними преступник, но им важно и нужно знать не только это, а и многое такое о личности этого человека, что выходит далеко за пределы врачебного исследования. Значительный процент преступников – и часто преступников очень тяжких – здоровы, но это не значит, что они представляют однородную, сплошную массу, которую не стоит изучать со стороны особенностей составляющих ее индивидов; наоборот, среди этой части преступного мира существует масса разнообразнейших типов, которые очень важно различать как для профилактики преступности, так и для борьбы с последней мерами уголовного правосудия. С другой стороны, и у тех преступников, которые хотя и не лишены известных патологических черт, но тем не менее признаны не нуждающимися в содержании в психиатрическом учреждении и уголовно ответственными, немало таких особенностей в психическом складе, которые стоят за пределами врачебного исследования и не обнимаются им, но знание которых очень важно для принятия в отношении этих преступников действительных мер, а иногда даже и для понимания, во всей их полноте и своеобразии, присущих им патологических черт. К таким преступникам принадлежат многие лица, страдающие неврастенией, истерией, эпилепсией, лица, обозначаемые расплывчатым и неопределенным термином психопатов, и т. п. Если они признаны виновными и виновными, то должны подлежать уголовной ответственности, но последней следует придать особый характер, определяющийся, с одной стороны, их патологическими, а с другой – криминогенными чертами.

Для того чтобы разумно решить, какие меры надо применить к тому или иному преступнику в целях удаления его с преступного пути, нужно, во-первых, знать, что именно в его личности послужило корнем его преступления и каким изменениям должны подвергнуться эти элементы его личности, а во-вторых – какого рода психологическому воздействию должен он подвергнуться для того, чтобы было достигнуто то именно изменение его личности, которое необходимо в общественных интересах. Для решения этих вопросов необходимо выяснить, к какой разновидности преступного мира принадлежит данный субъект, и иметь ряд общих сведений о присущих представителям этой разновидности криминогенных особенностях и о целесообразных способах воздействия на них. Криминальная психология и должна дать твердые основания для решения всех этих вопросов. Кратко ее можно определить как психологию борьбы с преступностью. Она рассматривает преступление как проявление психической конституции личности. Она устанавливает и исследует различные типы преступников (криминальная типология), а также признаки и приемы их распознавания (криминальная дифференциальная диагностика). Она устанавливает те типы психологического воздействия, которым, для целей уголовной юстиции, должны подвергаться носители разных криминальных типов (криминальная педагогика). Она изучает, наконец, психические процессы, которые находят свое выражение в судебном и досудебном исследовании преступления и преступника. Говоря вообще, она изучает все те психические состояния личности, которые оказывают то или иное влияние на уголовную ответственность. Психические состояния, при которых уголовная ответственность отпадает совершенно, – так называемые состояния невменяемости – лежат за ее пределами. Подобно тому, как психология изучает душевную жизнь душевно здоровых людей, оставляя психиатрам обширную область разнообразных форм болезненного расстройства душевной деятельности, криминальная психология имеет дело лишь с лицами, которые нарушили уголовный закон не в состоянии душевной болезни.

Предмет криминальной психологии составляют не отдельные психические процессы, в возможном мысленном их обособлении, а личность в известном круге ее проявлений, относящихся к области преступления или борьбы с последним. Изучение отдельных психических реакций и особенностей их течения занимает в ней некоторое место и имеет дополнительное значение. На первом плане в ней стоит личность, под действием известных обстоятельств и обстановки проявляющая себя в определенных формах поведения, относящихся к сфере преступления или борьбы с последним. Основное значение в ней имеют наблюдение поведения личности и точное научное описание отдельных фактов, ее характеризующих или объясняющих, сравнение и анализ добытых данных и установление типов. Данные для своих выводов и описаний криминалист-психолог получает путем тщательного исследования отдельных случаев преступлений и обследования их виновников, их физического и психического состояния, имущественного, семейного и социального положения, а также путем изучения отдельных уголовных процессов. Изучение различных сторон личности по данным истории ее жизни – вот путь криминалиста-психолога. К своим обобщениям он должен идти от внимательно проверенных и изученных конкретных фактов. Ему необходимо подробно ознакомиться со всей историей жизни данного преступника, с детства и до настоящего момента. Необходимо выяснить по фактам жизни, как реагировала данная личность в различных жизненных положениях. Нужно представить себе ясную картину тех условий, в атмосфере которых складывался характер данного преступника: характер и взаимные отношения его родителей или воспитателей, материальное и социальное положение, внутреннюю жизнь семьи, характер школы, в которой учился данный субъект, что его в школе интересовало и что, наоборот, давалось ему с трудом и казалось неинтересным и т. д. Впечатления детства и юности часто оказываются роковыми для всей последующей жизни человека. Состояние родителей субъекта важно и в другом отношении – в смысле передачи по наследству тех или иных качеств и предрасположений. Словом, криминальная психология должна идти по пути возможно углубленного и полного изучения

психической конституции субъекта в процессе ее постепенного образования и изменения с детства и до настоящего момента.

В качестве дополнительного приема криминалист-психолог пользуется, между прочим, и методом статистическим, но последний имеет значение в криминально-психологическом исследовании, лишь поскольку он применяется к данным, добытым или проверенным тщательным индивидуальным обследованием. Криминалист-психолог не должен во что бы то ни стало гнаться за большими цифрами; он должен главным образом стараться в немногом, но внимательно исследованном и проверенном, найти многое.

Исследование личности преступника должно вестись таким образом, чтобы оно раскрывало тот тип, носителем которого является данный субъект. Необходимо собрать возможно полные данные о состоянии преступника непосредственно перед совершением преступления, во время совершения последнего и после этого, как до суда и отбытия наказания, так и во время отбытия заключения. Между прочим, психология раскаяния преступника и психология заключенного составляют две частные проблемы криминальной психологии, среди многих других подлежащие самому тщательному изучению. Во время пребывания в карательном учреждении заключенный должен быть объектом постоянного наблюдения, задачей которого является выяснить во всей их полноте криминогенные элементы его психической конституции и те изменения, которые в них происходят под влиянием заключения и дают основание сделать вывод, что черты преступного типа, носителем которого является данный субъект, у него бледнеют и стираются или, напротив, укрепляются, становятся ярче, развиваются. Такое наблюдение должно вестись по особой программе с возможной индивидуализацией ее в отношении отдельных заключенных. Так как криминально-психологическое исследование имеет дело с личностью в ее целом, причем главное место в нем занимает изучение эмоциональной и волевой сферы личности, мало поддающихся экспериментальному исследованию, то экспериментальные методы могут иметь лишь ограниченное значение в криминальной психологии. Однако немало и таких случаев, когда они могут служить для криминалиста-психолога ценным подспорьем, как средство обнаружить те или иные элементы конституции субъекта и наличность или отсутствие известного признака, имеющего значение для решения вопроса, носителем какого именно криминального типа является данный субъект. В настоящее время, когда закладывается только фундамент криминальной психологии и проводятся лишь общие разграничительные линии, отделяющие главные криминальные типы друг от друга, роль экспериментальных методов в криминальной психологии меньше, чем она будет с дальнейшим развитием этой отрасли знания.

Много важных и интересных для него данных криминалист-психолог может получить из разных документов, содержащих в себе те или иные сведения о прошлом личности и отдельных ее переживаниях, – из писем, дневников, сочинений преступников, вообще из разных продуктов творчества преступников – из их литературных произведений, произведений искусства (скульптурных произведений, картин и т. п.), между прочим, и из их особого жаргона и татуировок. Показателями своеобразных черт конституции преступников являются иногда особенности форм общения и организаций, складывающихся в преступном мире. Между прочим, криминалист-психолог должен уделять большое внимание психологии преступных шайк и сообществ.

Из сказанного ясно, насколько широко и разнообразно содержание криминальной психологии. У нее есть черты сходства со многими психологическими дисциплинами, и она нередко прибегает к заимствованиям из них. В ней есть элементы специальной психологии, т. е. психологии, изучающей индивидов, выделенных по тем или иным внешним признакам – например, по полу, возрасту, национальности и т. п. В ней есть и элементы дифференциальной психологии, так как она устанавливает типы и изучает психические различия носителей разных криминальных типов. Она содержит в себе элементы генетической психологии, поскольку иссле-

дует процесс развития криминального типа, начиная с зародыша его у подростков и кончая полным развитием у взрослых преступников. В ней есть и элементы коллективной психологии, поскольку она изучает встречающиеся у преступников отклонения от того, что нормально для лиц одного с ними социального слоя, а также слагающиеся в преступном мире коллективные образования – психологию толпы, преступных сообществ и шаяк. Свои руководящие точки зрения, на которые она опирается в определении пределов своих исследований и при делении изучаемых ею преступников на группы и подгруппы по родам и видам совершенных ими преступлений, она получает от науки уголовного права, что дает основание относить ее к циклу криминальных дисциплин. Она составляет как бы звено, соединяющее круг криминальных и психологических дисциплин. Несомненна и ее тесная связь с той ветвью психологических знаний, которая изучает характер и личность в ее целом. Для учения о личности и характере криминально-психологическое изучение, в свою очередь, может дать богатый материал и ряд ценных выводов.

Глава первая Преступный тип

I

О преступном типе чаще всего говорят как об известном «внешнем» типе, т. е. как о сочетании определенных внешних признаков, отличающих преступников от остальных людей и способных служить для их классификации и распознавания, как о типе анатомо-физиологическом или антропологическом. При этом полагают, что если внешние признаки и не исчерпывают содержания преступного типа, то все же являются основными, главными; к ним присоединяются различные психологические признаки, но они менее пригодны для целей диагностики и классификации, менее определены и ярки, а часто и менее постоянны. Как бы то ни было, им в содержании преступного типа должно быть будто бы отведено второе место; руководящее же и решающее значение принадлежит внешним признакам. Стоя на такой точке зрения, исследователи сосредоточивали свое внимание преимущественно на одной части тела преступников – на их голове; характерные для преступников признаки старались найти прежде всего в особенностях их черепа и лица. Самые ранние попытки научного изучения преступника и направлялись именно к тому, чтобы уловить все особенности внешнего вида преступников и прежде всего их черепа и лица. Первой попыткой этого рода было френологическое учение Галля, возникшее в 20-х годах XIX столетия. Галль исходил из мысли, что полушария большого мозга представляют собою собрание отдельных органов, из которых каждый служит центром для той или иной способности души. Все способности или склонности человека прирожденны и стоят в прямой зависимости от строения и развития органа, через посредство которого они выражаются.

Измерив и рассмотрев череп, думал он, можно определить умственные и нравственные качества человека. Если у человека, судя по выпуклостям, впадинам и соотношению частей черепа, развит, например, инстинкт разрушения или хищничества, он станет разбойником или убийцей; если у него развит орган храбрости, он будет мужествен и т. д.

Мысль, что преступники, или, по крайней мере, значительный процент их, являются носителями своеобразного внешнего типа и что задача научного изучения заключается именно в том, чтобы открыть специфические, т. е. исключительно преступникам свойственные внешние признаки, не умерла вместе с френологией, а продолжала существовать и после Галля, достигнув апогея в своем развитии в учении Ломброзо и его последователей. Основная мысль сочинения Ломброзо «О преступном человеке» заключается в том, что типичный преступник представляет собою особую разновидность человеческого рода, отличающуюся от остальных людей, прежде всего, своей своеобразной анатомо-физиологической структурой. Изучение последней и составляет задачу уголовной антропологии. Школа Ломброзо учит, что существует особый антропологический тип преступника или, вернее, несколько антропологических типов преступников. Около 40 % преступников составляют преступники прирожденные. Прирожденный преступник, по учению Ломброзо, есть прежде всего анатомо-физиологический тип, т. е. субъект, отмеченный целым рядом своеобразных анатомических и физиологических признаков. Во всех частях его тела Ломброзо и его школа находят ряд характерных аномалий. Они измеряют преступника буквально с головы до пяток и всюду находят особенности. Одни из этих особенностей носят внешний характер и определяются прямо путем измерений соответствующей части тела на живых и мертвых людях, другие – скрыты внутри организма и обнаруживаются при вскрытии трупов. При этом в перечислении отличительных черт анатомии

прирожденного преступника нет определенной системы. В беспорядке излагаются признаки самого разнообразного анатомического и биологического значения. «Перечисляя и описывая признаки установленного им типа, – говорит про Ломброзо проф. Зернов, – он перемешивает и ставит рядом признаки совершенно разного биологического значения, не заботясь осмыслить сколько-нибудь их выбор и, видимо, стремясь импонировать читателю только численностью их».

Массу особенностей Ломброзо нашел прежде всего в черепе прирожденных преступников – и почти в каждой кости черепа, и в его общем строении и очертании. Вообще у преступников, особенно у воров, преобладают небольшие черепа, черепа наибольшей вместимости попадают у них редко.

У прирожденных преступников часто наблюдаются: асимметрия черепа, сравнительное уменьшение передней части черепа, выстояние лица слишком вперед, или так называемый прогнатизм в 69 % случаев, различные уклонения формы черепных и лицевых костей.

У преступников, особенно у воров, часто встречаются скошенный лоб, а также сравнительно малая величина лобной кости, сравнительно более длинный лицевой скелет, сильное развитие надбровных дуг, лобной кости и сосцевидных отростков височной кости, сильное развитие нижней челюсти и аномалии ушей; например, у 25 % прирожденных преступников Ломброзо и Граденико нашли приращение ушной дольки к щеке.

В сфере физиологической, в отправлениях разных органов тела Ломброзо находит у прирожденных преступников также массу особенностей. Он доходит даже до того, что утверждает, что выделения организма прирожденного преступника иные, чем у случайного преступника и непроступных людей. Прирожденный преступник менее, чем они, выделяет мочевины и более против нормы фосфатов. И в походке прирожденного преступника есть особенность: левый шаг у него длиннее правого и, кроме того, левая ступня образует с осевой линией больший угол, чем правая; те же особенности замечаются и у эпилептиков. Как замечено выше, прирожденный преступник обыкновенно левша, и правое полушарие мозга работает у него более, чем левое. Непреступный человек мыслит левым, прирожденный преступник – правым полушарием мозга. Поэтому у него наблюдается преобладание моторных процессов с левой стороны.

Недостаточная чувствительность и большая острота зрения сближают преступников с дикарями. Обоняние у преступников отличается большой остротой, особенно у преступников против половой нравственности, но вкус несколько притуплен.

Особенное значение придает Ломброзо и его школа притупленной чувствительности прирожденных преступников к боли, так называемой аналгезии, и вообще их пониженной чувствительности. Он приводит поразительные примеры нечувствительности преступника к боли, а также нечувствительности к поранениям. Так, один вор перенес ампутацию ноги, не издав ни одного стога, а потом стал играть с обрезком. Один убийца, которому директор тюрьмы отказал в удовлетворении его просьбы, распорол себе рукояткой большой ложки живот, забрался на свою постель и умер, не издав ни стога. Убийца Декурб, желавший избежать Кайенны, нарочно изранил себе ноги; излеченный от этих ран, он пропустил посредством иглы через коленную чашку волос и умер от этого. «Я видел, – рассказывает Ломброзо, – как двое убийц, ненавидящих друг друга с давних пор и сделавших друг на друга донос, на прогулке подрались, при чем один укусил другому губу, а тот вырвал у противника волосы; оба потом жаловались не на раны, повлекшие за собой тяжелые последствия, а на то, что им не удалось докончить мщения». «Такою аналгезию объясняются мучительные способы самоубийства, практикуемые в тюрьмах, а также склонность к самоубийству даже у тех, которым остается всего несколько дней до освобождения из заключения, как то замечено в Мазасе». «Ею же объясняются некоторые странные явления из уголовной хроники, в особенности явления, называемые древними поэтами *invulnerabilitas*, т. е. недоступностью для поранения: я обозначил бы это более скром-

ным медицинским термином *disvulnerabilitas* преступников, т. е. нечувствительностью их к поранению».

Аналгезией, полагает Ломброзо, объясняется то, что преступники сравнительно долговечны. Ею же Ломброзо и Ферри объясняют и недоразвитие у преступников чувства сострадания. «Видя страдания другого, – говорит Ломброзо, – мы при помощи нашей памяти испытываем те же ощущения; в нас отражаются, так сказать, эти страдания». «Отсюда рождается сострадание, которое мы считаем добродетелью». «Чем мы чувствительнее, тем более склонны к состраданию». «При врожденном понижении чувства боли и неприятных ощущений склонности к состраданию почти не замечается». С нравственной черствостью и нечувствительностью у прирожденных преступников соединяются непредусмотрительность, в силу которой они недоступны влиянию угрозы уголовного закона, отсутствие нравственного чувства, раскаения и угрызений совести, а также сильно развитое тщеславие, превосходящее даже тщеславие артистов и литераторов, мстительность и особая гордость. Страсти прирожденных преступников – страсть половая, страсть к игре, к лакомой еде и т. д. – отличаются необузданностью, непостоянством и насильственностью. Даже чувства и влечения благородные у многих из них принимают болезненный характер и отличаются неустойчивостью. Кроме того, прирожденным преступникам присуща наклонность татуироваться. «Кроме большой распространенности, – говорит Ломброзо, – поражает и самый характер содержания татуировок: бесстыдство, хвастовство преступлением и странный контраст дурных страстей, наряду с нежными чувствами».

Прирожденный преступник – человек ненормальный, но не сумасшедший. С первого издания своего сочинения о преступном человеке Ломброзо отчетливо отличает его от душевнобольного. Прирожденный преступник – это особая разновидность рода человеческого. Первоначально Ломброзо признавал один общий тип прирожденного преступника; затем стал признавать их три: тип убийцы, вора и изнасилвателя. О тех же трех типах говорят и два других вождя антропологической школы – Энрико Ферри и Гарофало. Среди массы разнообразных признаков, которыми характеризуется каждый из указанных типов, антропологи-криминалисты придают важное значение лицу. Ферри прямо заявляет, что это – признак решающий. «Я настаиваю, – говорит он, – на преимущественном значении физиономии при диагностике преступного типа, потому что по одним аномалиям черепа или скелета можно отличить лишь дегенерата, или вообще ненормального человека от нормального, но нельзя по одним этим признакам отличить преступника от других дегенератов». Вот важнейшие из указываемых антропологами отличительных признаков физиономии преступников. Убийцы отличаются обыкновенно стеклянными, холодными глазами, налитыми кровью, большим, часто орлиным, загнутым вниз носом, развитыми клыками, челюстями и скулами. Про воров Ломброзо говорит, что у них наблюдается особенная подвижность лица и рук, блуждающие маленькие глаза, сдвинутые брови, редкая борода, ушная раковина оттопыренная, поставленная углом, кривые, впалые, иногда курносые носы. Преступники против половой нравственности, насильники, отличаются блестящими глазами, вздутыми губами, женственными телодвижениями, разбитым или сиплым голосом. Прирожденные преступники отличаются также относительно большим размером лица, по сравнению с остальной частью черепа, в чем усматривается признак сравнительно низшего органического строения.

Ломброзо дал три объяснения прирожденной преступности. Эти объяснения даны им не как альтернативные, а как одно другое дополняющие. Согласно первому объяснению, прирожденная преступность есть проявление атавизма, т. е. воскресения в преступнике черт отдаленнейших наших предков-дикарей. Прирожденный преступник – дикарь в современном обществе, и во внешнем виде и строении тела дикаря и преступника Ломброзо находит немало общих черт (выпуклые скулы, большие челюсти, торчащие уши, ямка на затылочной кости и т. п.). Прирожденный преступник кажется ему похожим на тип монгола или лапландца. Другое объяснение прирожденной преступности у Ломброзо и его последователей следующее: при-

рожденного преступника не надо смешивать с сумасшедшим в тесном смысле этого слова, но в нем есть известные патологические черты, именно: он – нравственно-помешанный (*razzo morale*), т. е. существо, лишенное нравственного чувства, чувства добра и зла, слепое в нравственном отношении. Черты нравственного помешательства и прирожденной преступности, утверждает Ломброзо, гораздо более распространены у детей, чем у взрослых, так как затем у некоторых они ступшевыаются под влиянием воспитания. Вскоре Ломброзо наделил прирожденного преступника и еще одной чертой – эпилепсией; прирожденная преступность и нравственное помешательство, говорит он, не что иное, как специальные формы проявления эпилепсии.

Данное Ломброзо объяснение прирожденной преступности принимает и Ферри, который замечает, между прочим, что отождествление атавизма и нравственного помешательства, по почину Ломброзо, принято большинством итальянских психиатров. Он соглашается с тем, что в основе прирожденной преступности лежит эпилепсия, но добавляет, что такое объяснение он считает недостаточным. Сам Ферри полагает, что биологический фактор преступления представляет собою особый «преступный невроз». К этому неврозу и присоединяются у того или иного преступника, в большем или меньшем количестве, черты атавизма, остановки в развитии, неврастении или дегенерации. Физиопсихическая аномалия, добавляет он, поражая всю нервную систему и весь организм индивида, может в то же время задеть по преимуществу интеллект, чувство или волю, и, в зависимости от этого, в первом случае получится душевная болезнь, во втором – преступность, в третьем – самоубийство, так как помешательство есть помрачение интеллекта, преступность есть потеря или недоразвитие нравственного или социального чувства, самоубийство есть банкротство воли в ее борьбе за существование.

Прирожденный преступник занимает центральное место среди тех групп преступников, которые различаются представителями антропологической школы. Он является как бы осью, около которой вращаются выставляемые ими классификации, причем в других группах, от него неясно и расплывчато отграниченных, они склонны видеть лишь как бы особые разновидности прирожденного преступника, в которых черты последнего проявляются слабее, в меньшем числе или даже незаметны для глаза, находятся, так сказать, в скрытом состоянии. Во всяком случае, отчетливо разграниченных групп мы в классификациях, выставленных сторонниками антропологической школы, не находим. По почину Э. Ферри, Ломброзо и большинство его сторонников делят преступников на пять групп: 1) преступники душевнобольные, 2) прирожденные, 3) привычные, 4) случайные и 5) преступники по страсти.

Не входя здесь в подробное рассмотрение учения антропологической школы, что увлекло бы меня слишком в сторону, я остановлюсь на присущем ее представителям общем взгляде на преступный тип. Последний представляется им внешним типом. Правда, наряду с внешними признаками они указывают и некоторые внутренние, но говорят о них лишь вскользь, суммарно, не очерчивая их сколько-нибудь резко и обыкновенно не приурочивая к какому-либо из трех основных типов – убийц, воров и насильников. Основное, решающее значение они придают внешним признакам, анатомо-физиологической структуре преступника.

Антропологическая школа представляет собою самую сильную и грандиозную попытку установить внешний тип преступника, предпринятую большой группой исследователей, среди которых немало людей с крупными научными именами. В настоящее время уже не может быть сомнений, что эта попытка не удалась. В частности, в черепах какой-либо группы преступников нельзя найти ничего специфического. Притом, по верному замечанию проф. Зоммера, встречаются значительные ненормальности черепа без заметного расстройства психической деятельности. Ни одному криминалисту-антропологу не удалось установить ни одного внешнего признака и ни одного сочетания внешних признаков, которое было бы характерно для преступников и встречалось бы только у них, как специфическая особенность, по которой их можно отличить от остальных людей. Винить в этом, конечно, никого нельзя, потому что таких

признаков не существует, и мы видели, что у самих вождей антропологической школы – у Ферри и Гарофало – вырывается признание, что по одному строению тела, по особенностям черепа и скелета прирожденного преступника нельзя отличить от простого дегенерата. Это заставило их придать решающее значение лицу. Но и в лице преступника они не нашли ничего специфического; указываемые ими черты лица очень часто встречаются и у людей, заведомо не совершивших никаких преступлений, да и черты эти не так отчетливо очерчены; они расплывчаты и притом не встречаются у очень многих тяжких преступников. Никакого устойчивого критерия для распознавания прирожденного преступника в них видеть нельзя. Да и кто же не знает, как часто обманчиво бывает лицо. Можно ли при оценке личности опираться на такой шаткий критерий? Те объяснения, которые Ломброзо дал прирожденной преступности, также не выдерживают критики. Мысль, что прирожденный преступник – низшее атавистическое существо, похожее на дикаря, неверна: дикарь – вовсе не нравственно помешанный, и что-нибудь из двух: или преступник похож на дикаря, тогда он не нравственно помешанный, или он нравственно помешанный, и тогда между ним и дикарем – коренное различие. Дикарь мстителен и кровожаден, но его месть есть священный обычай; он мстит по известному основанию, потому что обижен чужеродцем, и мстит, как велит ему священный голос обычая. У дикаря есть известные моральные сдержки, но иные, чем у нас, и часто странные с нашей точки зрения. Но именно этой преданности долгу, добру, как он его понимает, и нет у прирожденных преступников, какими их рисует Ломброзо. Другое положение теории атавизма – будто примитивные люди вообще отличались теми внешними чертами, которые Ломброзо приписывает прирожденным преступникам, – также не доказано. Существуют весьма компетентные свидетельства, что черепа дикарей не отличаются существенно от черепов современных людей; такое свидетельство принадлежит, например, двум таким крупным авторитетам в антропологии, как Катрфаж и Брока. Наши современные антропологические сведения о дикарях не приводят к тому мнению, что указываемые Ломброзо аномалии были общим правилом у дикарей. Да и зачем прибегать к такому искусственному объяснению, как атавизм, раз преступность может быть объяснена гораздо проще условиями жизни и чертами психики современного человека. «Зачем предполагать, – говорит Жоли, – какие-то специальные инстинкты, перепрыгнувшие через дюжины и сотни поколений или пробуждающиеся непонятным образом после того, как они опали в течение веков». Выдвигаемая Ломброзо и заимствованная им у Дебина идея нравственного помешательства также не может быть принята. Что касается эпилепсии, то, во-первых, среди эпилептиков много совершенно не склонных к преступлению. Во-вторых, у многих очень закоренелых преступников не обнаружено признаков эпилепсии. Однако, если они не эпилептики, то эпилептоиды, говорит Ломброзо. Но при таких условиях все объяснение преступности эпилепсией становится в высшей степени неопределенным. Притом эпилептики вовсе не нравственно помешанные.

«Преступный невроз», о котором говорит Ферри, также не может быть признан удачным объяснением преступности. Что это за невроз, единственным симптомом которого является выражение лица, так как по остальным признакам, как говорит Ферри, преступника нельзя отличить от дегенерата?

Идея прирожденного преступника несостоятельна по существу и должна быть решительно оставлена. В самом деле, преступление всегда есть проявление известного сложного психического переживания, известного настроения человека, в котором находят выражение различные черты его характера и которое прирожденно быть не может. Прирожденная склонность к преступлению – психологически и логически невозможна. Нельзя отрицать, что среди преступников существует значительный процент лиц с более или менее ясной печатью вырождения, неуравновешенности, недоразвития и духовного оскудения. Но все эти черты – обычные черты вырождения, а не какие-либо специфические корни или клейма преступности. На амстердамском конгрессе уголовной антропологии, устами Ферри, антропологическая школа

заявила, что человек, обладающий всеми признаками прирожденного преступника, может и не совершить преступления. При таком изменении понятия «прирожденный преступник» от него, в сущности, не остается ничего.

В виду того, что основные идеи школы Ломброзо не выдержали критики, не может быть принята и выставленная этой школой классификация преступников. Указываемых этой классификацией прирожденных преступников не существует. Не существует, как убедится читатель из дальнейшего изложения, ни случайных, ни привычных преступников.

О преступном типе, как внешнем типе, не может быть и речи; во внешности преступников нет никаких специфических отличий, между прочим, могу сослаться и на свои личные наблюдения: около 20 лет я постоянно посещаю места заключения и видел массу заключенных самых различных категорий, причем с давних пор мое внимание особенно привлекают профессиональные воры и убийцы, составляющие главный контингент так называемой на тюремном жаргоне «шпаны». В течение более трех лет я с группой ассистентов веду систематическое криминально-психологическое изучение «шпаны» московских мест заключения, и ни разу никто из нас не мог подметить ни одного внешнего признака, который мог бы считаться специфической принадлежностью какой-либо группы преступников. Конечно, например, среди сидящих в тюрьмах убийц и бандитов вы встретите немало людей со злым, холодным взглядом, с грубыми манерами и с отталкивающей внешностью. Но среди той же категории преступников вы найдете и много людей добродушных, с располагающим лицом и мягкими манерами. С другой стороны, массу лиц с злым, холодным взглядом и с резко выраженной грубостью вы встретите и среди людей, относительно которых нет оснований думать, что они нарушат уголовный закон, и в прошлом которых нет никаких преступлений. В выражении лица иногда довольно ясно проявляются отдельные черты характера – злобность, добродушие, любезность, общительность, необщительность, угрюмость и т. д. Но из них одних нельзя построить никакого преступного типа. Можно обладать дурным характером, быть злобным, мстительным, ревнивым и т. д. и не совершать никаких преступлений, так как эти черты нередко сдерживаются и уравниваются в личности другими чертами, в связи с которыми они не составляют особого предрасположения к какому-либо преступлению.

Ни в лице, ни в какой-либо иной части тела нет черт, которые имелись бы только у какой-либо категории преступников и могли бы считаться специфическими ее признаками. Если иногда по особенностям внешнего облика и можно догадаться, что перед вами стоит представитель определенной группы преступного мира, то не потому, что данный субъект является носителем особого антропологического типа, а потому, что на нем лежит известный профессиональный отпечаток, чаще всего особенно ясно выражающийся в том, как человек относится к своей внешности, и в манере держать себя с другими людьми. Как и всякая профессия, преступная профессия с течением времени налагает на человека определенный отпечаток, и по этому отпечатку взгляд опытного наблюдателя может догадаться о профессии его носителя, особенно если наблюдение производится в тюрьме, когда наблюдающему наперед уже известно, что всякий, кого он в данный момент наблюдает, какое-то преступление совершил, и ему остается только догадаться, какое. Встретить он данного субъекта на улице или в театре, ему и в голову не пришло бы заподозрить в нем вора или какого-либо иного преступника. Во всяком случае, возможность таких догадок на основании лежащего на личности профессионального отпечатка ничего не говорит в пользу взгляда, признающего существование особого антропологического типа преступника.

Но даже если бы удалось найти какие-либо особенности анатомио-физиологической структуры, присущие преступникам и только им или, по крайней мере, известной категории их, это не решило бы вопроса о преступном типе. Сейчас же возник бы дальнейший вопрос о психологическом значении этих признаков, о том, какие психические особенности соединяются с ними. Только в силу связи с последними внешние признаки приобрели бы действи-

тельное значение и могли бы, вместе с группой психологических признаков, войти в содержание преступного типа. Преступный тип – понятие телеологическое (целевое) и практическое. В состав его могут войти лишь признаки, имеющие значение для определения характера и размеров уголовной ответственности и лучших способов борьбы с преступностью. Внешние признаки удовлетворяют этому условию, лишь если они служат показателями таких свойств личности, которые с точки зрения практических целей уголовного правосудия имеют большее или меньшее значение.

Содержание преступного типа образует то сочетание постоянных свойств, в силу которого личность реагировала на полученные ею впечатления преступным поведением определенного характера. Установить и проанализировать это сочетание в высшей степени важно как судье, определяющему уголовную ответственность, так и пенитенциарному деятелю, осуществляющему намеченную приговором ответственность таким образом, чтобы цели уголовной юстиции были возможно полнее осуществлены в отношении каждого отдельного преступника. Для того чтобы определить, какому воздействию, в интересах правильной борьбы с преступностью, должен быть подвергнут преступник, надо знать, что именно должно быть изменено в нем. Это знание мы и получим, когда установим, носителем какого преступного типа является данный субъект.

Такое понимание преступного типа дает возможность глубоко заглянуть в личность преступника и ведет к тем главным корням его преступления, которые содержатся в его психической конституции.

II

Психическая жизнь человека представляет собою непрерывный поток психических процессов, обыкновенно не особенно выделяющихся в сознании и в общем напоминающих легкую речную зыбь, иногда же, наоборот, выступающих с чрезвычайной резкостью, как бы сосредоточивающих или поглощающих в себе всю душевную жизнь и похожих на морские волны, высоко вздымающиеся во время бури. Всматриваясь в течение и содержание этих процессов, нетрудно заметить, что не все в них быстро меняется, что под поверхностью вечно изменчивого конкретного их содержания лежит как бы более или менее постоянный остов, на котором зиждуются отдельные переживания и который образует то, что называется психической конституцией человека. О чем бы человек ни думал, что бы он ни чувствовал, чего бы ни хотел, он всегда сознает эти переживания как отдельные, преходящие состояния своей личности, а последнюю как нечто пребывающее в них и более или менее постоянное. Он сознает, что сегодня он таков же, каким был вчера и будет завтра. Разумеется, если взять большие периоды его жизни, ряды лет, то известное изменение его личности станет ясно и ему самому, но оно накапливается исподволь и заметно только через значительные промежутки времени. Конечно, в пожилом возрасте человек не тот, каким был в юности и в детстве, но эта перемена как-то с незаметной постепенностью произошла в нем; в своей эволюции его духовная личность описала линию, хотя и длинную, но малой кривизны; лишь у некоторых людей эта эволюция носит характер ломаной линии с резкими изгибами, которые можно приурочить к определенным хронологическим датам. С другой стороны, несмотря на изменения, претерпеваемые духовною личностью человека, в ней многое часто остается постоянным с детства и до гробовой доски.

Каждый человек имеет известные постоянные физические и психические свойства, образующие его физическую и психическую конституцию, и та и другая слагаются частью из врожденных, а частью из приобретенных свойств.

Психическая конституция есть совокупность более или менее постоянных психических свойств человека, определяющих, как этот человек реагирует на получаемые им впечатления. В состав ее входят:

- 1) умственные способности личности;
- 2) общие взгляды и убеждения, упрочившиеся в мышлении человека, его мирозерцание;
- 3) характер человека.

И умственные способности человека, и круг его убеждений, и его характер слагаются из очень сложных образований: умственные способности – из способностей к отдельным умственным операциям, мирозерцание – из отдельных убеждений, характер – из склонностей. В свою очередь, каждая умственная способность, каждое убеждение и каждая склонность очень сложны. В их составе можно подметить известные общие представления или понятия и известные чувства, связанные с этими представлениями, а в склонностях характера к этим двум элементам – которые можно назвать интеллектуальным и сенсорным – присоединяется третий – волевой – влечение к поступку, соответствующему известным общим представлениям. Все эти элементы связаны в одно целое, в один комплекс. Слово «комплекс» обозначает, что все эти элементы постоянно появляются в сознании как одно целое, как один психический процесс, входящий в общий поток нашей душевной жизни. Умственные способности слагаются из комплексов функционального характера, определяющих скорость и правильность деятельности нашего ума. В состав этих комплексов входят общие представления разных логических операций нашего ума и порядка их совершения и связанное с умственной деятельностью так называемое интеллектуальное чувство. Под последним разумеются те приятные, неприятные или смешанные состояния, которые сопровождают умственные процессы. Убеждения чело-

века представляют собою комплексы, посредством которых человек ориентируется в явлениях, происходящих в нем самом и в окружающем его мире, объясняет и оценивает их. В склонностях характера мы имеем комплексы, в которых сочетаны в одно целое общие представления известного образа действий, чувства, доставляемые этим образом действий и его результатами, и влечение к этому поведению.

Оставляя пока в стороне дальнейший анализ понятия психической конституции, посмотрим теперь, что оно дает для построения учения о преступном типе. Бросим взгляд на психическую конституцию со стороны ее отношения к тому или иному преступлению. Обыкновенно она представляется неблагоприятной почвой для развития стремления к преступлению, потому что содержит в себе такие элементы, которые задерживают это стремление, противодействуют его росту. Иными словами, в нормальных случаях психическая конституция человека представляет собою, в отношении преступления, как бы динамическую систему, находящуюся в равновесии под давлением окружающей среды.

Многое обыкновенно удерживает человека от преступления, и прежде всего общий уклад его жизни и преследуемый им круг жизненных целей, которым преступление часто наносит большой и непоправимый вред, так как подрывает благосостояние семьи и те отношения, которые сложились у субъекта со многими другими людьми.

Жизнь отдельной личности протекает в рамках известных объективных условий, в связи с которыми и в соответствии с ее характером у нее вырабатывается круг определенных общих целей и способов их достижения, и из этого складывается главное содержание ее жизни. Человек хочет завести себе семью, добиться известного социального, служебного, имущественного положения, сделать известную карьеру, обеспечить себе определенный уровень благосостояния и т. д., избирает для всего этого известные пути и двигается по ним в мере своих способностей, энергии и наличных средств. Из склонностей его к достижению известных жизненных целей и определенного уровня благосостояния вырастают более или менее сильные склонности избегать всего, что может помешать этому, стать ему поперек дороги, разрушить или затормозить сложившееся течение жизни. Желая, например, добиться известного места или кредита, он завязывает и поддерживает добрые отношения со всеми, кто ему может быть полезен в этом деле, и старается избегать или не допускать того, что может возбудить к нему нерасположение или недоверие нужных ему лиц и т. д.

В общем, воспитание и жизненные интересы личности заставляют ее обыкновенно держаться на определенном моральном уровне, создают в ней известный моральный тонус, т. е. нравственное напряжение, в силу которого она старается устранять встречающиеся ей на пути затруднения средствами, не вредящими достижению ее главных жизненных целей, и держаться вдали от таких путей и способов действия, как преступление, которое грозит ей подрывом добрых отношений с другими людьми, общественным порицанием и недоверием, разлукой с семьей, судом и наказанием, отрывом, на более или менее долгий срок, от дела и т. д.

Как скоро у человека возникает определенная потребность, и он, в поисках средств для ее удовлетворения, наталкивается на мысль об известном преступлении, у него появляется, хотя бы суммарный, образ этого преступления и вызывает более или менее живое предощущение (антиципацию) тех ощущений и чувств, которые доставит его практическое осуществление. Представляя известное положение вещей или себя в определенном положении, мы до известной степени испытываем те ощущения и чувства, которые будут доставлены этим положением, когда оно осуществится в действительности, мы «предощущаем» то, что нам доставит осуществление данного образа. Это я и называю кратко термином «антиципация».

Основываясь на данных нашего опыта, на том, что другие и сами мы переживали при тех же или сходных условиях, мы прямо ждем, что определенный поступок доставит нам известные переживания. Конечно, эти антиципации и чувство ожидания их могут быть, и часто бывают,

слабы, но они могут у некоторых лиц и при некоторых обстоятельствах достигать большой живости и яркости.

Так как жизненный опыт учит каждого, думая о своих или чужих поступках, учитывать и их последствия, и по последним оценивать их, то вместе с образом поступка появляются и образы его последствий и антиципации ощущений и чувств, которые будут доставлены этими последствиями. Вслед за мыслью об убийстве появляются образы трупа, осиротевшей семьи, негодования близких, суда и наказания и т. д., а вместе с ними и антиципации чувств и ощущений, которые придется пережить благодаря им. Таким образом, в сознании плывет целая вереница образов живых и полных, или суммарных и бледных, и, в связи с ними, ряд антиципаций тех ощущений и чувств, которые будут доставлены осуществлением этих образов в действительности. По самой природе своей человек стремится к удовольствиям и избегает страданий. Как скоро в перспективе у него открывается известное удовольствие или избавление от какого-либо тягостного состояния, то сейчас же возникает влечение к тому, что обещает доставить подобный результат, и влечение это тем сильнее, чем живее и ярче антиципация приятных чувств и ощущений или ожидаемого избавления от чего-либо неприятного. Если в перспективе имеются не одни приятные, а и неприятные результаты, то возникает борьба влечений к совершению поступка со стремлениями воздержаться от него. У людей, в психической конституции которых нельзя уловить преступного типа, эта борьба если и имеет место, то кончается победой влечений, противодействующих вступлению на преступный путь. Мысль о преступлении и шевельнувшееся желание его совершить вызывает у них противодействие целого ряда более или менее координированных друг с другом элементов психической конституции. Против этой мысли и желания восстает, прежде всего, нравственное сознание субъекта, которое говорит, что подобный поступок недопустим, плох, бессовестен и т. п. Затем, у очень многих вслед за этим поднимается и голос их социального сознания, сознания недопустимости, вредности такого образа действий в обществе, его противоправности, преступности. Этот голос говорит человеку, что на такой поступок он не имеет права, что подобных поступков в обществе допускать нельзя, так как что же будет, если каждый будет поступать таким образом? и т. д. К моральной и социальной оценке поступка присоединяется сознание разных невыгодных последствий преступления для самого виновника его. Что скажут родители? Как отнесется семья? Какое влияние это окажет на ее положение? Как показаться после этого в деревню? Как отразится это на служебной карьере? Как отнесутся знакомые? и т. д. Человек обыкновенно ценит мнение о нем окружающих и дорожит своей репутацией. Желание сохранить ее влияет удерживающим от преступления образом. Наконец, соображения о рискованности преступления, о разных технических трудностях его выполнения, о предстоящем суде и наказании за него и т. д. также более или менее сильно противодействуют развитию стремления к преступлению. Все указанные силы, враждебные росту преступных стремлений, обыкновенно настолько развиты и координированы друг с другом, что являются достаточным противодействием появившейся в сознании мысли о преступлении как средстве удовлетворить ту или иную потребность. Они составляют, так сказать, «криминорепульсивную» часть психической конституции, в нормальных случаях, т. е. в случаях отсутствия преступного типа, гораздо более сильную, чем разрозненные «криминогенные» комплексы, которые встречаются у всех или почти у всех людей.

Под криминогенными комплексами я в данном случае разумею мысль об известном преступлении вместе с желанием его совершить. В нормальных случаях это желание гаснет под влиянием того противодействия, которое его развитие встречает в психической конституции субъекта.

Преступный тип существует тогда, когда образуется такое сочетание черт, при котором психическая конституция перестает находиться в устойчивом равновесии по отношению к преступлению, или благодаря отсутствию, чрезмерному ослаблению или распаду тех ее элементов,

которые способны противодействовать стремлению к преступлению и задерживать его рост, или благодаря отложению в ней – на почве указанного ослабления криминалорепульсивной части – таких склонностей, благодаря которым возникший у субъекта образ преступления приобрел в сознании особую устойчивость и силу.

Преступный тип представляет собою такого рода психическую конституцию, при которой у личности развивается и получает осуществление стремление к известному преступлению при таких обстоятельствах, при которых у громадного большинства людей такого стремления не возникает, или, по крайней мере, последнее не получает достаточного для его осуществления развития.

Преступный тип не есть простая сумма известных психических свойств личности, а известный склад личности, известное сочетание ее психических свойств, создающее, так сказать, уклон этой личности в сторону преступления, побуждающий ее или прямо искать случая совершить преступление, или не пропускать такого случая, раз он сам представляется, или, по крайней мере, недостаточно сопротивляться подсказываемым известными чувственными влечениями соблазнам этого случая.

Припоминая, что основными элементами психической конституции являются, как отмечено выше, умственные способности, мирозерцание и характер личности, преступный тип можно определить как сочетание особенностей характера и взглядов человека, создающее уклон личности в сторону преступления, в силу которого человек выбирает преступный путь при таких обстоятельствах, когда другие люди, если им придет в голову мысль о преступлении, воздерживаются от совершения последнего.

В силу этих особенностей оценка преступления становится неполной и слабой, извращается, отпадает вовсе или лишается практического значения для поведения субъекта.

Для того чтобы выяснить черты криминального типа, необходимо тщательно проанализировать совершенное субъектом преступление в связи со всей историей его жизни и со всей обстановкой, при которой это преступление произошло. Рассматриваемое таким образом преступление служит как бы увеличительным стеклом для распознавания присущих личности постоянных свойств. То состояние, в котором человек совершил преступление, – его вина – составляет продукт, с одной стороны, известного давления на него среды, т. е. действия на него происшедших в окружающей его среде событий, а с другой – его конституции. При этом нередко бывает, что события, непосредственно предшествовавшие преступлению, человек воспринимал, находясь в состоянии, вызванном ранее бывшими исключительными обстоятельствами, в состоянии для него поэтому не обычном, а составлявшем исключительный эпизод его жизни, когда, напр., он был рассержен, опечален, потрясен, находился в состоянии восторга и т. п. Каждое новое впечатление ложится, как на известный общий фон, на предшествующее состояние личности и различно изменяется под влиянием элементов, образующих это состояние. На человека, рассерженного предшествующим собеседником, новый собеседник производит иное впечатление, чем то, которое он произвел бы, если бы был принят, наоборот, в спокойном и радостном состоянии. Это обыкновенно хорошо учитывают экзаменуемые, избегающие подходить к экзаменуемому учителю после того, как у него провалился плохой ученик, особенно если последний сильно рассердил учителя. Проявившуюся в преступлении вину, т. е. известное настроение личности, можно считать произведением или равнодействующей трех множителей или сил: постоянных свойств личности, действовавших на нее раздражений и тех особенностей в ее настроении – в момент действия данных раздражений, – которые обуславливались не ее постоянными свойствами, а какими-либо исключительными в ее жизни условиями. Если два последние фактора, как нехарактерные для самой личности, мы объединим в понятие действия на субъекта событий, происходящих в окружающей среде, и обозначим буквой *m*, а конституцию субъекта – буквой *P*, то вину *C* можно выразить формулой:

$$C = P/m$$

Из формулы ясно, что чем более доля участия в генезисе вины внешних раздражений и связанных с ними преходящих и исключительных в жизни данной личности психических переживаний, тем менее доля участия в ней постоянных свойств личности или ее конституции, и наоборот. Следовательно, вычтя мысленно, по возможности, из вины преступника то, что надо отнести на счет исключительных обстоятельств данного момента его жизни – особенной силы полученных им впечатлений или особенностей его состояния во время получения этих впечатлений и реакции на них, – мы получим остаток, служащий показателем состояния психической конституции субъекта, содержания в ней того или иного преступного типа. Последний представляет собою такой склад личности, ее мышления и характера, который или обуславливает недостаточную активность этой личности, направленную к тому, чтобы устранить более или менее серьезные затруднения или лишения, не прибегая, как к средству, к преступлению, или прямо предрасполагает человека к тому, чтобы выбирать средством для удовлетворения известных потребностей определенное преступление.

Преступный тип является мерилем «опасного состояния лица», о котором в настоящее время постоянно говорят и в литературе, и в законодательствах, и в судебной практике, и в котором видят важный дополнительный критерий наказуемости. Часто, однако, при этом ошибочно думают, что существует какое-то одно специфическое «опасное состояние» личности, которое судья одинаково при всех или, по крайней мере, при всех более тяжких преступлениях должен принимать во внимание. На самом деле «опасное состояние личности» есть лишь общее выражение, под которым следует разуметь ряд очень различных состояний, причем уголовное правосудие и криминальная психология имеют дело лишь с теми из этих состояний, которые находят свое выражение в формах различных преступных типов. Нельзя быть вообще опасным или находиться в состоянии вообще опасном. Можно быть опасным или находиться в состоянии, опасном в определенном отношении или в нескольких отношениях, в смысле вероятности совершения определенных проступков, предрасположенности к последним. К сфере криминальной психологии и уголовного правосудия относятся лишь те опасные состояния, которые выливаются в формы определенных преступных типов и таят в себе вероятность тех или иных преступлений. Наказывая человека за известное преступление, судья должен принимать во внимание не какое-то вообще опасное состояние личности, а тот преступный тип, носителем которого является подсудимый.

Глава вторая

Два основных преступных типа: эндогенные и экзогенные преступники. Общая их характеристика

I

Исследуя какое-либо преступление, необходимо обратить, прежде всего, внимание на то, чем было вызвано решение человека совершить это преступление. Из факта виновного совершения преступления ясно, что, в момент преступной деятельности, представление этого преступления заняло господствующее место в сознании данного субъекта, стало центром ассоциаций, причем ассоциации, ему враждебные, или не появились в поле сознания вовсе, или были с него оттеснены. Почему же это произошло? В чем заключалась основная причина такого настроения человека? Это могло быть или в силу известных свойств самой личности, определенных ее склонностей, или в силу внешних условий, в которых она оказалась. Иными словами, то преобладание или господство, которое получило представление данного преступления в сознании субъекта, объясняется или тем, что в конституции этого субъекта существуют такие отложения, в силу которых сознание его наполнилось ассоциациями, поддерживавшими и укреплявшими стремление к преступлению и не допускавшими проникновения в фиксационную точку сознания враждебных им ассоциаций, или тем, что внешние обстоятельства своим давлением прорвали задерживающее влияние криминалорепульсивной части конституции субъекта ввиду сравнительной слабости этой стороны его личности.

Таким образом, мы имеем перед собою два различных преступных типа: тип, у которого преобладание в сознании представления преступления и влечения к последнему, в момент совершения этого преступления, объясняется особыми свойствами личности, образующими предрасположение к данному преступлению, и другой тип, у которого означенное преобладание объясняется давлением внешних обстоятельств и сравнительно слабым задерживающим влиянием криминалорепульсивной части конституции. Иными словами, существуют два типа преступника: тип, отмеченный более или менее сильным предрасположением к известным видам преступной деятельности, и тип, свободный от этого предрасположения, но отличающийся таким ослаблением морального тонуса, при котором у человека нет достаточно живой и сильной склонности избегать преступления, почему, попав под давление тяжелых внешних обстоятельств, он и не обнаруживает достаточной активности в устранении затруднительного положения непроступным путем. Преступники первого типа если и совершают преступление при тяжелых внешних обстоятельствах, то главным образом не вследствие давления на них этих обстоятельств; главная роль принадлежит их предрасположению к преступлению. У преступников второго типа преобладающая роль в генезисе их преступлений принадлежит внешним факторам. Первый тип я называю эндогенным, а второй – экзогенным. В литературе и в разговорной речи часто говорят о «случайных» и «привычных» преступниках, но термины эти надо отвергнуть самым решительным образом. И с логической, и с психологической точек зрения они крайне несостоятельны. Никто не становится преступником «случайно»: всегда есть ряд обстоятельств, которые привели человека к совершенному им преступлению. Каждое преступление имеет свой «личный» корень, но у одних преступников он иной, чем у других, и играет менее деятельную и видную роль в генезисе их преступлений. Называть некоторых преступников «привычными» значит употреблять самый неподходящий термин. Совершая «привычное» действие, мы предварительно не вырабатываем его плана и не взвешиваем доводов за и против известного способа его выполнения. Преступление же даже завзятыми профессиона-

лами совершается всегда по определенному конкретному плану, с взвешиванием шансов за и против. Ни о каком действии по привычке в данном случае говорить нельзя. Вот почему я и употребляю термины «эндогенный» и «экзогенный», как несравненно более удачные и отвечающие существу дела; применяя их к преступникам, мы тем самым выражаем, что среди причин преступной деятельности одних преобладающая роль принадлежит их предрасположению к преступлению, а у других – внешним факторам.

Различие между эндогенными и экзогенными преступниками чрезвычайно важно и с теоретической, и с практической точек зрения; оно имеет большое значение для правильной обрисовки наказуемости в законе, для целей розыска, следствия и суда, а также с пенитенциарно-педагогической точки зрения, для применения к носителям этих типов соответствующего пенитенциарного режима. На нем следует поэтому остановиться с достаточной подробностью. Это и составляет первую задачу настоящей главы. Вместе с тем необходимо решить и другой вопрос: каким образом узнать, принадлежит ли тот или другой преступник к эндогенным или к экзогенным, находится ли он в состоянии, свойственном представителям первого или второго типа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.